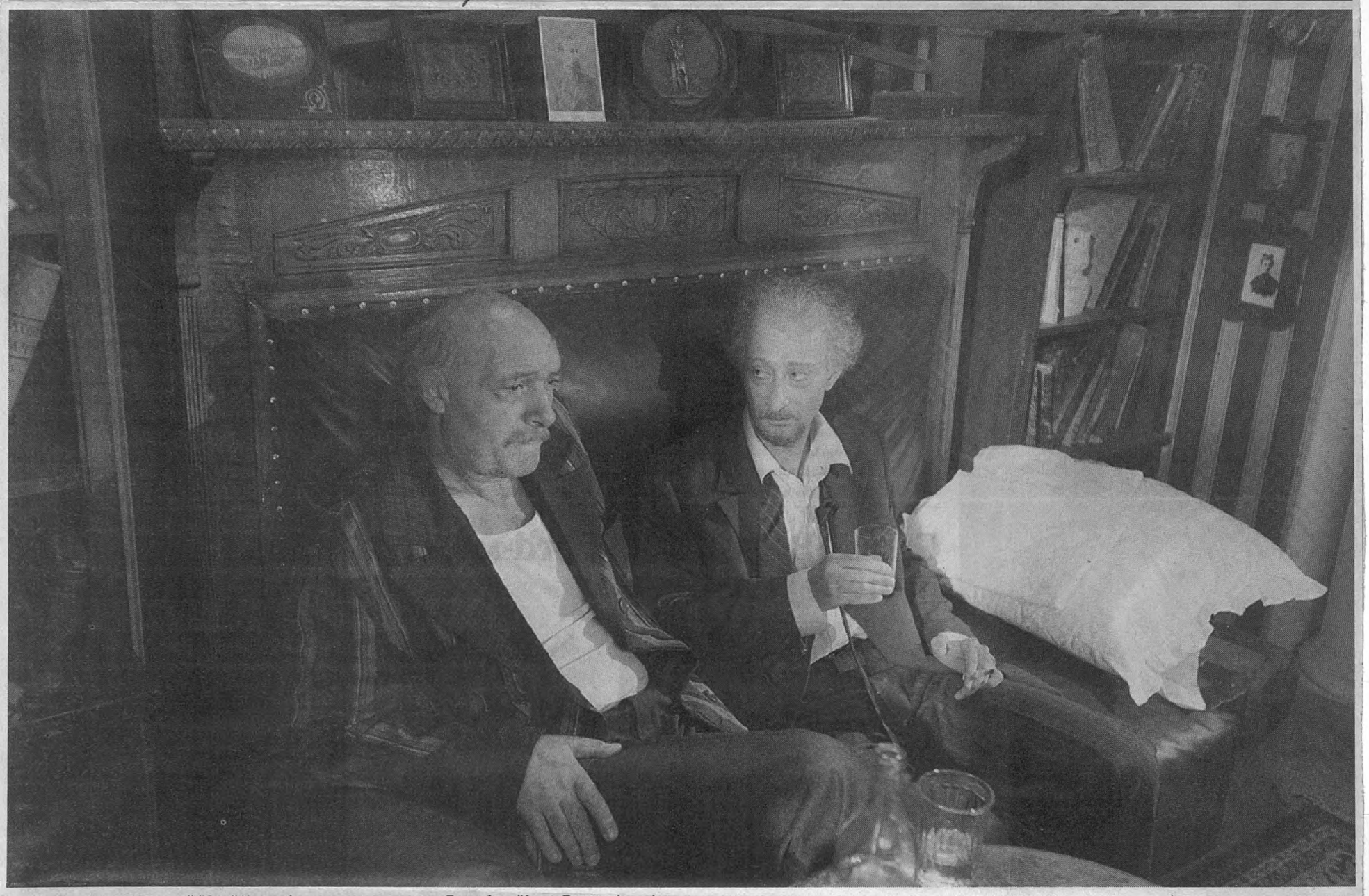
Жертвы абортов

Юрий Грымов представил «Казус Кукоцкого»

премьера КИНО

Коммерсантъ. – 2005 – 26 нояб. – с. 8.



Гений гинекологии Кукоцкий (Юрий Цурило) и его приятель генетик Гольдберг (Карен Бадалов) полфильма проводят на диване в дружеских беседах

В московском мультиплексе «Октябрь» прошла презентация телесериала Юрия Грымова «Казус Кукоцкого», снятого по роману Людмилы Улицкой. По этому случаю фойе кинотеатра было декорировано гинекологическими креслами и столами с инструментарием в эмалированных лотках, в раздевалке выдавали белые халаты и разве что разведенным спиртом из пробирок не угощали. Художественное оформление вечеринки произвело на ЛИДИЮ МАСЛОВУ большее впечатление, чем художественные достоинства фильма.

«Казус Кукоцкого» демонстрировался в двух залах: днем начали крутить полную версию для всех желающих, а вечером для VIP-гостей показали авторский вариант продолжительностью два с половиной часа. Очень удобно: когда напряженность действия ослабевала, можно было перейти в другой зал, посмотреть, какие там еще испытания предстоят семье гениального гинеколога Кукоцкого в следующие десятилетия, потом вернуться и проследить, чем режиссер пренебрег при сокращении. При таком режиме восприятия препарированное произведение выглядит более уязвимым, чем на DVD или на телевидении, для которого фильм Грымова вполне хорош, а может, даже выше среднего.

Правда, и самый отличный сериал по книжке — изначально игра на понижение, как и экранизация, например, «Идиота», коммерческий развлекательный продукт, потакающий разленившемуся сознанию людей, которые не желают водить глазами по бумаге. За них «Казус Кукоцкого» читает Алексей Баталов своим теплым, мягким, как стерильная медицинская вата, закадровым голосом. Рассуждения писательницы переработаны в диалоги довольно гладко, хотя это гладкость деревянной полировки, и когда герои устают вербально шлифовать социокультурные концепции, на помощь приходит терпеливый Баталов — несмотря на то, что эпопею о Кукоцких написала вообще-то женщина. Ее эмоциональность определяет способ повествования, периодически отбивающегося от рук: порой страницы можно спокойно пролистывать десятками, особенно когда автор ударяется в описание потусторонней реальности, но какие-то моменты психологической точности или физиологической откровенности запоминаются надолго.

Почти все выигрышные эпизоды романа, охватывающего без малого столетие, перенесены на экран, за исключением довольно страшной сцены, отсутствующей даже в полном варианте сериала,— когда две приемные дочки Кукоцкого пытаются посмотреть похороны Сталина и чуть не оказываются раздавлены в толпе (после чтения перед глазами прямо стоит женщина с мертвой лисой на плечах, сломанная пополам водопроводной трубой). Может даже показаться, что крутившие сериал в «Октябре» что-то перепутали или продюсеры решили сэкономить на массовке, но тут получился внезапный перескок, странный для аккуратного в остальном сериала: девочки тайком уходят из дому, потом мать пытается хоть куда-нибудь дозвониться в их поисках, а в следующей сцене они уже как ни в чем не бывало лежат в кроватках.

При необходимом для телевизора упрощении системы образов, композиции, психологии и философии романа больше всего пострадала няня-домработница Василиса. В книге она, в сущности, символизирует христианскую веру, которая позволяет человеку идти по пути добродетели, прекрасно обходясь без интеллекта и образования. В то время как Людмила Улицкая обходится с няней серьезно и уважительно назначает ее чуть ли не главным идейным оппонентом Кукоцкого, фильм юмористически подчеркивает Василисину глупость, отчего праведница, ходячая икона, превращается в водевильную комическую старушку, темную, суеверную, пугливую, то и дело подсовывающую окружающим ее материалистам лики святых для поцелуев. Между тем играющая Василису Мария Кузнецова справилась бы и с более сложной задачей, чем изображение каши в голове, доходящее порой до богохульства — в одной из шутливых сцен Василиса долго разглядывает какую-то икону и вдруг ахает: «Одно лицо!», имея в виду Кукоцкого. Доктор Кукоцкий в исполнении Юрия Цурило действительно совершенно божественен, и неудивительно, что в первом же кадре проходящий по больничному коридору герой немедленно позиционируется болтливыми санитарками как секс-символ, аскетически избегающий секса, к огорчению всех вьющихся вокруг него женщин.

Если Цурило, как всегда, великолепен без малейших усилий, то Елена Дробышева в роли его жены куда менее великолепна как раз из-за чрезмерных усилий, с которыми актриса старается дотянуться до партнера. С самого начала она делает забывчивое лицо, как бы предупреждая зрителя: «Ну вот еще пара серий, и я вам такого Альцгеймера покажу, что закачаетесь!» Когда между супругами Кукоцкими возникают идейные разногласия по поводу абортов, за разрешение которых ратует доктор, артистка Дробышева пережимает, разражается патетической жестикуляцией, картинно падает на пол с горой грязной посуды в кульминационный момент ссоры, когда разгорячившееся светило напоминает ей об отсутствии у нее матки: «Ты вообще не женщина и рассуждать об этом не можешь». При просмотре всех серий подряд вспоминается, что примерно так же героиня падала в сугроб, получив похоронку о первом муже, и каталась по снегу с завываниями, которых в романе у тактичной Улицкой, естественно, не было, но сериальному зрителю вряд ли понравится, что человек способен переживать горе и обиду в вертикальном положении, как бесчувственный истукан.

От режиссера с таким развитым и экстравагантным дизайнерским мышлением, как Юрий Грымов, можно было ожидать в «Кукоцком» каких-нибудь изощренных спецэффектов, прочитав, как красочно Улицкая описывает способность героя просвечивать человеческий организм особым внутренним зрением, мгновенно замечая все дефекты. Однако Грымов не стал пугать зрителей живописными подробностями вроде камней в желчном пузыре или раковых метастазов. Даже заспиртованная матка с проросшей луковицей, которой Кукоцкий угрожает хозяину кабинета на Старой площади, требуя легализации абортов, выглядит как-то малоужасающе, в качестве сногсшибательного аргумента ее явно недостаточно, и авторы заставляют героя в доказательство правоты еще вываливать на зеленое сукно охапку спиц и прочих инквизиторских инструментов, которыми женщины вынуждены незаконно выковыривать из себя детей.

Цветовые эффекты использованы Юрием Грымовым только в изображении потустороннего мира, который и в книжке-то выглядит претенциозным стилистическим упражнением, а на DVD и подавно обречен на быструю перемотку,— это снятый сквозь желтый фильтр песчаный карьер, где умершие выкапываются из-под песка и идут искать себе подобных. В финале перемотку можно остановить и полюбоваться, как преображается скучный тот свет, когда там наконец собираются все лучшие люди: покойный Кукоцкий, его родные и близкие, все в белом белье, резвятся на зеленой лужайке, демонстрируя, что умирать совершенно не страшно и не грустно, а главное — все равно придется.